

От ненависти До любви

Читайте романы Аллы Полянской в серии

От ненависти До любви

ОДНА МИНУТА И ВСЯ ЖИЗНЬ
СЛИШКОМ ЧУЖАЯ, СЛИШКОМ СВОЯ
ПРОГУЛКИ ПО ЧУЖИМ НОЧАМ
МОЯ НЕЗНАКОМАЯ ЖИЗНЬ
ЖЕНЩИНА С ГЛАЗАМИ КОШКИ
НАЙТИ СВОЙ ОСТРОВ
ПРАВО БЕЗУМНОЙ НОЧИ
НЕВИДИМЫЕ ТЕНИ
ЧАСОВОЙ МЕХАНИЗМ ЛЮБВИ
НЕВОЗМОЖНОСТЬ СТРАСТИ
ВСТРЕЧА ОТ ЛУКАВОГО
ВДВОЕМ ПРОТИВ ЦЕЛОГО МИРА
ТАЙНЫ ВИРТУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ
ВИРУС ЛЖИ
ЕСЛИ ЖЕЛАНИЯ НЕ СБУДУТСЯ

АЛЛА ПОЛЯНСКАЯ

ЕСЛИ ЖЕЛАНИЯ
НЕ СБУДУТСЯ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Разработка серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*

Иллюстрация на обложке художника
Ф. Барбышева

Полянская, Алла.

П54 Если желания не сбудутся : [роман] / Алла Полянская. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (От ненависти до любви).

ISBN 978-5-699-95301-1

Симу жизнь не баловала с детства — родители развелись, и каждый начал строить новую семью, в которой не нашлось места девочке. Но, несмотря на все невзгоды и неприятности, Симе удалось получить образование, найти работу и даже купить квартиру. Она любовно выстроила свой уютный мирок, никого в него не впуская — с предвзятыми ее родными она не общалась, а в друзьях просто не нуждалась. Вот только бесноватая старуха-соседка с первого взгляда невзлюбила девушку и методично отравляла ей жизнь. Не выдержав, Сима однажды вызвала полицию, и сумасшедшую удалось на время урезонить, но это стало лишь началом новых проблем — старуху задушили, а ее тело подбросили под дверь Симиной квартиры...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Copyright © PR-Prime Company, 2017
© Оформление.

ISBN 978-5-699-95301-1

ООО «Издательство «Э», 2017

Для Tori

Ты был лучшим в мире котом.
Когда-нибудь мы снова встретимся –
и уже никогда не расстанемся.

Любящая тебя — Я.

1

Ворота были огромные. Не то чтобы вширь — нет, они поднимались вверх и терялись в клубах густого тумана, который спускался сверху и покрывал все пространство, видимое сквозь прутья ворот.

Такой тишины и пустоты не было больше нигде. Ее невозможно достичь там, где есть хоть что-то живое: даже если не ездят машины, не слышно людей или птиц, есть ветер, есть шорох листвы, травы, песка, есть плеск воды, и даже земля никогда не молчит.

Но здесь всегда было тихо.

Забор не виден в густом тумане, всегда только эти ворота — и страстное желание проникнуть за них и посмотреть, что там, дальше, и это всегда было важно. И однажды почти получилось втиснуться между прутьями и сквозь туман разглядеть дорожку, вымощенную белым камнем, но туман сгустился, и дорожка пропала, а ворота не открылись.

На них не было замка. Они просто были закрыты — и закрыты всегда, когда она подходила к ним.

Она всегда знала, когда Тропа ведет ее к этим воротам. Просто в мире звуков и запахов что-то вдруг неуловимо менялось, и появлялась Тропа, и она уже знала, что идет к воротам.

И где бы она ни находилась, Тропа всегда появлялась под ногами, и если ей хотелось тишины, она шла к воротам. И пусть они не открываются, и не видно, что за ними, — какая разница, если там можно просто посидеть, привалившись спиной к прутьям и ощущая себя в полнейшей безопасности! Как ни странно, прутья никогда не бывали холодными, и сидеть вот так и слушать абсолютную тишину было упоительно, и возвращаться никогда не хотелось... Но там, за пределами Тропы, находился тот, кто всегда ее ждал. Кому она была нужна так сильно, как только он сам был ей нужен.

И Тропа пропадала, но сожаления не было. Потому что стоило о ней вспомнить, и мир вокруг словно замирал на ходу, и Тропа уже была под ногами, и можно было идти.

Вот только очень интересно, что же там, за воротами?

Было время, когда она приходила сюда часто — гнало любопытство. А вдруг она когда-нибудь застанет ворота открытыми, или тумана не будет, и тогда она увидит наконец, что же там, дальше... Ну, не может быть так, чтобы все время туман!

Но ворота всегда закрыты, туман всегда густой и непроглядный, а тишина такая абсолютная, что впрямую радоваться этой неизменности. И просто представлять, что там, за воротами, есть нечто удивительное, и если приходиться достаточно часто, ворота сдадутся.

* * *

Копали долго и старательно.

Эта часть кладбища давно не использовалась, и оттого, что могила очень старая, когда ее раскрыли, уже и запаха не было, за сто лет перегнило все давно. Свет

фонаря выхватил из тьмы прогнившие доски, которые когда-то были крепким деревянным гробом, но за целый век в земле и им пришел конец, доски прогнили, и лопата прорубила их насквозь.

— Да погоди ты!

Луна светила в полную силу, видно было неплохо, и гектары крестов, плачущих ангелов, прямоугольных и закругленных камней, казалось, превратили всю планету в одно большое кладбище.

— Все равно доски уже пробил.

— И то. Поддевай лопатой, только осторожно.

Доски с треском отошли, пахло сыростью и тленом.

— Ишь ты... Сто лет прошло, а запах еще держится.

— И что? Нам сегодня еще соседнюю разрыть надо, не отвлекайся. Посвети-ка мне лучше, поглядим, что тут есть.

Ткань, когда-то прикрывающая тело, истлела почти полностью. Они в четыре руки сдернули остатки когда-то, наверное, красивого кружева, закрепили фонарь на длинной жерди, переброшенной поперек могилы, и принялись изучать содержимое гроба.

Надпись на кресте не лгала, покойница умерла молодой и была балериной в местном театре. Об этом свидетельствовали прекрасно сохранившиеся локоны и когда-то белое балетное платье, теперь истлевшее и покрытое пятнами.

— Так и положили, со всем приданым, даже туфли балетные надели на нее, гляди.

— Что туфли, ты сюда посмотри.

Брошь, блеснувшая в лучах фонаря, оказалась тяжелой, в россыпи камней. На руках, облаченных в когда-то, наверное, белые перчатки — длинные, до

локтей, и, как ни странно, не разложившиеся, а словно усохшие, — обнаружили браслеты.

— Не люблю, когда они не разлагаются, что-то есть в этом жуткое.

— Плевать. Кольца есть?

— Нет. Вот, икона какая-то есть, на деревянной доске.

— Бери ее и подай мне веревки.

Работа была знакомая: зацепить веревками остатки гроба, выволочь, не растеряв содержимое, и уложить на тележку. Потом почистить яму, придав ей благообразный и свежий вид, — вот и вся работа. И можно было бы делать ее днем, но днем это будет привлекать внимание и шокировать посетителей кладбища, а добыча может приглянуться начальству, ну а ночью — и волки сыты, и овцы целы.

А покойники... Да им все равно уже не нужны ни эти цацки, с которыми их хоронили, ни сами могилы. Это живых ужасает, когда раскапывают захоронения, и не потому, что это оскорбляет их какие-то религиозные или моральные принципы, а просто оттого, что каждый думает: вот и я умру, а меня выбросят точно так же, оберут и... Хотя, по большому счету, все эти останки — что-то наподобие изношенного тряпья, утилизированного за ненадобностью.

— Зачищай здесь, а я соседнюю начну.

Они работали слаженно и быстро. Дело было знакомое, и добычу делить на двоих гораздо интереснее, чем на троих, например. Да и тайну соблудности так легче, поскольку всем давно известно: что знают трое, знает и свинья.

А покойники еще и тем хороши, что не болтают лишку.

— Тут гроб словно железный. Иди, помоги мне.

— Без малого сто тридцать лет могиле, какой там железный!

— Поговори мне еще... вот, гляди.

Гроб оказался крепким, окованным тонкими металлическими пластинами, словно его обитатель готовился переждать в нем атомную войну.

— Давай целиком вытаскивать, разбить не получится, места мало, и шуму будет...

— И то.

Веревки натянулись, и гроб, натужно крикнув, вырвался из земли. Они тащили что было сил, но перевес был явно не на их стороне.

— Сами не управимся, надо кого-то позвать.

— А кого?

— А кого найдем. Эти-то небось от жары где-нибудь на воздухе дрыхнут, тащи сюда двоих. Муху тащи, там сил много, а мозга мало, а полоумному кто поверит?

Точно, надо позвать Муху — одного из местных бомжей, их тут десяток постоянно трется, прихлебателей. Но и польза от них тоже есть: если надо что-то сделать тяжелое или неприятное или просто лень, надо только поставить этому отребью внятную задачу, и они сделают. А не сделают — в тот же день вылетят из старой сторожки, что на восточной оконечности кладбища, где они оборудовали себе жилище с койками, печкой и сортиром. Летом-то оно вроде бы и ни к чему, да только — ну, сколько же того лета! А зимой нужна крыша над головой и дрова дармовые.

— Тянем.

Муха и его приятель Буца взялись за одну веревку, а они с напарником — за другую.

— Идет, поднажмем.

Они выволокли гроб из ямы и сели на землю.

— Все, ступайте.

Буца толкнул Муху, тот нехотя поднялся и пошел вслед за приятелем.

— Вот народ, оба в стельку пьяные.

— А зачем они нам тут трезвые? Утром и не вспомнят ничего, а если и вспомнят — подумают, что прикинулось.

— Это если вообще будут думать, что не факт. Муха — дурачок совсем, и Буца ума невеликого. Это тебе не Палыч, тот рубит фишку на лету. Я кино видел, там...

— Достал ты со своим киноманством, совсем отупел от этого дерьма! Давай откроем, да и хватит на сегодня. Яма, смотри, чистая, чуток стенки выровнять — и готово. Лопату дай-ка мне и присвети.

Крышка хорошо сохранилась, гроб выглядит как несгораемый шкаф. Металлические петли и обитые металлическими полосами углы и края делают его похожим на кованый сундук.

— Вот незадача, лопату некуда вставить, хорошо пригнано! Ага, нашел... Помоги мне, поднажмем...

— Лопата сломается.

— Не сломается, осторожно нажимай.

Крышка затрещала и начала отходить. В сыром воздухе, пахнущем прелой землей, поплыл сильный аромат тления.

— Ну, ты подумай! Сто тридцать лет прошло, что там может до сих пор гнить?!

— А ты помнишь фильм «Мумия» с Бренденом Фрейзером? Ну, самый первый, где они с Иви только познакомились. Так они в гробнице нашли саркофаг, в котором была мумия, которая продолжала разлагать-

ся. Проклятие египетское такое наложено было, там почти все умерли, пока этого колдуна обратно в гроб загнали. Может, и здесь...

— Я тебе говорю: ты реально сдурел уже с этими фильмами!

— Ну а что, все же сходится!

— Нажимай, поддается уже...

Крышка отошла с тяжелым низким скрежетом и звуком ломающегося дерева.

— Все-таки дерево подпортилось за столько лет.

— Итить-колыхать...

В гробу, поднятый на высокую подушку, лежит священник или монах. Черная ряса выглядит как новая, на ней блестит тяжелый золотой крест, в иссохших пальцах — драгоценные четки, длинная белая борода выглядит странно отдельно от лица, вместо которого скалится череп.

— Не прикрыли ничем, с чего бы это?

— А ты сюда глянь.

Крышка гроба изнутри исцарапана, и напарники придвинулись ближе друг к другу.

— А ты говоришь — с ума я сошел. Все как в фильме, его заживо похоронили, он, наверное, был колдуном, точно тебе говорю!

— Вот ты дурак! Я в Интернете читал, что раньше была такая штука — сонная болезнь, типа летаргии, а медицина была так себе, и потому многих хоронили заживо. В Англии даже звоночек к могиле крепили, а веревку в руку покойнику давали — вдруг он окажется жив, чтоб сигнал подал. Видно, случались прецеденты. Подними его, я крест сниму.

— Сам поднимай...

— Да не ссы, лопатой подними, кто тебя заставляет руками за него хвататься! Смотри-ка, а это что?

Под подушкой виднеется книга, и подушка совсем легкая, приподнять ее просто.

— Это не Библия, и не Евангелие, и вообще не религиозная книга, судя по картинкам. И по-латыни написано. Странно, что на могиле нет указаний, что похоронен священник, и почему здесь его похоронили? Тут актрис закапывали да прочую шуштуру, совсем квартал был непрестижный, а такой крест, что у него на шее, должен был принадлежать очень высокому церковному иерарху.

— Так что за книга-то?

— Не знаю. Давай поройся у него в карманах, может, еще чего найдется.

— Да ну его.

Луна, до этого светившая во все свое круглое лицо, теперь зашла за тучи, набежавшие невесть откуда, поднялся ветер, и потянуло зябкой сыростью, а запах тлена стал невыносимым.

— Он сгнил полностью, одни кости и борода, что ж так воняет?

— Грузим на тачку и двинули.

Свет фонаря выхватил из тьмы сваленный на землю камень с надписью:

Корнелий Качинский

1796—1899 от Р.Х.

Забвеньё — свобода.

— Старикан больше ста лет проскрипел, в немалых церковных чинах был, видать, а закопали его среди лицедеев и нищих — что ж такое он сделал?

— Ну так южную часть кладбища, где аристократы гробниц понастроили, еще восставшие ма-

тросы перекопали, а сюда никто не сунулся, что с актрисок чахоточных взять, купцы их содержали живых — ради удовольствия телесного, а с мертвых-то проку нет, хоронили не так чтоб пышно, сам понимаешь. А вот этого, конечно, зарыли тут не зря, что-то он наколобродил при жизни. Ведь тут и земля могла быть неосвященная, в Европе, например, актеров и вообще не хоронили в освященной земле, знаешь?

— Нет, впервые слышу. Откуда ты все это знаешь? И что это за дискриминация по профессиональной принадлежности?

— Книжки умные читаю, это тебе не дерьмо киношное. Ремесло считалось низким, а дамы были синонимом проституток, только что без желтых билетов. Ну, что глядишь? Проституткам выдавались такие удостоверения — «желтые билеты» назывались, что-то вроде прописки, чтоб можно было их как-то учитывать и контролировать. Актрисы же считались в обществе где-то совсем недалеко от дам полусвета, так сказать, потому что практически все были содержанками купчишек разных, а кто почище, то и аристократов богатых кадрил. Но сословие было тогда весьма презируемое, а смертность была среди них высокой из-за нездорового образа жизни, плохого питания и беспорядочных половых связей. И что здесь делает наша балерина — понятно, негде ей было приземлиться, кроме как здесь, а деда этого тут не должно быть, по идее.

— Нашел об чем думать! Какая разница, толкай, что ты как неживой!

— Что значит — какая разница? А если мне любопытно? Барышне кринолин распотрошить не мешает, и у деда потайные карманы могут оказаться.

— Ты извращенец, знаешь?

— Зато с некоторых пор богатый извращенец. И ты тоже, благодаря мне. Много бы ты на своем честном ремесле заработал? То-то и оно. Ладно, поторопись, что-то зябко становится, и темень нахлынула, куда только луна подевалась...

— А помнишь старый фильм — «Ночь живых мертвецов»? А потом еще несколько частей — «Возвращение живых мертвецов», особенно первая и вторая части жуткие. Ну, помнишь — в бочках газ, который, как бочку открыть, начинает дымиться, и от него из могил восстают покойники...

— Ты тронулся с этими фильмами, честно тебе говорю! Зачем ты смотришь такую хрень?

— А чего... Я люблю страшные кинохи.

— Ну, и кто из нас извращенец?

Они потащили тележку в сторону дорожки, ведущей к крематорию.

— Конечно, мы теперь богаты. Только я вот не хотел бы, чтоб через сто лет мой гроб вот так потрошили, специально ничего пусть туда не кладут.

— Я вот хочу, чтоб меня кремировали — как мы этих сейчас. Чистое дело: прах горит, остается кучка пепла — ни тебе черви, ни грабители. Ссыплют пепел в урну да и заруют — и приличия соблюдены, и материальных претензий даже спустя сто лет никаких. Толкай, киноман, нам еще за надгробиями пилить!

— Завтра бомжей заставим, пусть перетащат. Ты видал, какой ветер? Да и устал я, честно говоря.

— И то верно. Кстати, почтенная профессия грабителей могил известна еще со времен Древнего Египта, чтоб ты знал.

— Ага, я кино смотрел, «Принц Египта» называется, там...

— О господи! Кино он смотрел! Ты скоро последние мозги растеряешь со своим кино. Книги надо читать, а не в ящик пялиться. А в том кино археологи были, а я тебе толкую о грабителях могил. Вот хоронили фараона, охраняли его гробницу, а эти ребята все равно пробирались туда и уносили золота немерено. Правда, если их ловили, то их визг был слышен на весь Египет. Царей тогда с размахом хоронили, золото ведрами несли.

— На что оно им там было, непонятно. А вот я смотрел фильм, там о проклятии гробницы, жрецы египетские накладывали проклятие, и любой, кто...

— Ага, все умирали, кто нарушал покой фараона. Наука доказала, что это не проклятие, а такой грибок невидимый, микроскопический, вдыхает его человек — и все. А насчет золота... У египтян была своя философия насчет того, что и как будет с ними в загробном мире, отсюда и кучи разных предметов в гробницах. И не только у египтян, это многие практиковали: и скифы, и викинги, и американские индейцы. Считалось, что все предметы, которыми пользовался покойный при жизни, понадобятся ему на том свете. Только у всех была разная концепция того, что их там ждет. Ну, да как по мне, то ничего там нет, и сказки эти выгодны были священникам да властям, чтоб стадо в повиновении держать и свое бабло стричь. Но народ массово покупал индульгенции, откупался от вечных мук и тащил деньги толстопузым мошенникам, которые отлично жили на чужой глупости. Да и по сей день все то же самое, и даже когда хоронят, то кладут покойникам и очки, и прочее, я сам